

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2026-4-123-141

Традиция как культурный капитал и фактор формирования культурной идентичности молодежи

С.В. Черненко

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация.
E-mail: ChernenkayaSV@mgpu.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию практик формирования культурной идентичности студенческой молодежи в рамках университета. *Целью* является выделение традиции как культурного капитала и фактора формирования культурной идентичности молодежи. *Методология, методы и методики.* Анализ литературы, вторичный анализ результатов социологических исследований в области ценностных ориентаций российской молодежи, а также результаты проведенных фокус-групп позволили заключить, что студенты соотносят культурную идентичность с традициями, исторически сложившимися в разных сферах жизнедеятельности. 80 % участников фокус-групп определили традицию как культурный код, при этом позиция студентов амбивалентна и синкретична. *Результаты и научная новизна.* Установлено, что молодежь не воспринимает традиции как некий незыблемый каркас культуры, в условиях «кризиса идентичностей» она создает и воссоздает свою идентичность, конструирует ее, в том числе обращаясь к культурным традициям. Российская молодежь (поколение цифры, младшие и старшие миллениалы) как традиционную ценность выделяет крепкую семью. Оценка других ценностей, традиционных для российской культуры, амбивалентна. Делается вывод о важности рефлексивной традиционности, предполагающей осмысление и анализ роли традиций в культуре, их связи с культурной (личной и групповой) идентичностью. Примером данной рефлексии может служить модель воспроизводства духовной личности учителя (с системой характерных для нее деятельностей и мотивацией) в ученике. Примеры такого воспроизводства есть в разных культурах, в том числе, и в отечественной культуре. Пространством для рефлексивной традиционности может и должно быть образовательное и социокультурное пространство учебных заведений. Формирование традиционных культурных ценностей должно быть и результатом целенаправленной молодежной политики государства. *Практическая значимость.* Полученные результаты могут быть использованы в качестве инструмента для преподавателей вуза при оценке роли традиции в культуре и формировании культурной идентичности студентов.

Ключевые слова: традиция, культурная идентичность, молодежь, «кризис идентичностей», ценности

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам журнала «Образование и наука» за экспертное мнение и конструктивный подход.

Для цитирования: Черенькая С.В. Традиция как культурный капитал и фактор формирования культурной идентичности молодежи. *Образование и наука*. 2026;28(4):123–141. doi:10.17853/1994-5639-2026-4-123-141

Tradition as cultural capital and its role in the formation of youth cultural identities

S.V. Chernenkaya

Moscow City University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ChernenkayaSV@mgpu.ru

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to examining the practices involved in shaping the cultural identity of university students. *Aim.* This study aims to identify tradition as a form of cultural capital and as a factor in the formation of young people's cultural identity. *Methodology and research methods.* An analysis of the literature, a secondary analysis of sociological research findings on the value orientations of Russian youth, and the results of conducted focus groups led to the conclusion that students associate cultural identity with traditions that have historically developed across various spheres of life. Eighty per cent of focus group participants defined tradition as a cultural code, whereas the students' stance was ambivalent and syncretic. *Results and scientific novelty.* It has been established that young people do not perceive traditions as an immutable cultural framework; rather, in the context of an "identity crisis", they actively create and recreate their identities, including by drawing on cultural traditions. Russian youth (the digital generation, encompassing both younger and older millennials) regard a strong family as a traditional value. However, their evaluation of other values traditionally associated with Russian culture is ambivalent. Reflexive traditionality is highlighted as important, involving the comprehension and analysis of the role of traditions in culture and their connection to both personal and collective cultural identity. An example of this reflexivity is the model of reproducing the spiritual personality of the teacher (with its characteristic system of activities and motivations) in the student. Such examples of reproduction exist in various cultures, including our own national culture. The educational and socio-cultural environment of educational institutions can and should serve as a space for reflexive traditionality. The formation of traditional cultural values should also be the outcome of a purposeful state youth policy. *Practical significance.* The results obtained can serve as a valuable tool for university lecturers in evaluating the role of tradition in culture and in shaping students' cultural identity.

Keywords: tradition, cultural identity, youth, "identity crisis", values

Acknowledgements. The author would like to thank the reviewers of the Education and Science Journal for their expert opinions and constructive feedback.

For citation: Chernenkaya S.V. Tradition as cultural capital and its role in the formation of youth cultural identities. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2026;28(4):123–141. doi:10.17853/1994-5639-2026-4-123-141

Введение

Кризис мультикультурализма в современном обществе ставит перед социумом и наукой задачу выделить основания и модели формирования идентичности человека в современной культуре. Человек как носитель культурных смыслов всегда выступает носителем «своей» культуры. Но, благодаря включению индивида в современных условиях в социальные практики, рожденные

различными традициями, отличными друг от друга, конкурирующими или дополняющими, формирование идентичности выступает сложным, противоречивым процессом. Как гипотезу выделим предположение, что в современной культуре традиция по-прежнему выступает фактором формирования культурной идентичности индивида, несмотря на его возможную включенность в референтные группы, опирающиеся на отличающиеся друг от друга культурные традиции. Как рабочее определение выделим определение Э. С. Маркаряна, согласно которому культурная традиция – «это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [1, с. 80]. Традицию мы рассматриваем также как культурный капитал, опираясь на терминологию французского социолога, философа П. Бурдьё. Под культурным капиталом понимается совокупность знаний, норм, ценностей, позволяющих индивиду (социальной группе) повышать свой социальный статус.

Цель статьи – рассмотреть традицию как культурный капитал и фактор формирования культурной идентичности молодежи и на основе вторичного анализа результатов социологических исследований и проведенных фокус-групп определить основные тенденции динамики ценностных ориентаций российской молодежи в контексте формирования культурной идентичности.

Обзор литературы

Среди отечественных и зарубежных ученых, занимающихся исследованием традиции как фактора формирования культурной идентичности, необходимо отметить П. С. Гуревича, С. А. Арутюнова, Э. С. Маркаряна, В. Д. Плахова, С. Хантингтона, З. Баумана, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, Т. Лукмана, Э. Эриксона, Х. Ортегу-и-Гассета, П. Бурдьё и др. Перечисленные выше авторы затрагивают различные аспекты изучаемой проблемы, тем не менее комплексного осмысления функционирования традиции как фактора формирования культурной идентичности молодежи на современном этапе развития культуры не так много, что обуславливает необходимость данного научного исследования. Публикации, связанные с вопросами формирования культурной идентичности молодежи, ориентированы прежде всего на педагогическую или политическую аудиторию и выделяют отдельные аспекты данного процесса. Так, ряд зарубежных исследователей – P. Seaton [2], L. Egholm, M. Heller, M. Rowlinson [3] и др. – рассматривают традицию как силу, организующую и структурирующую социальное и институциональное пространство жизни современного общества. D. M. Shaw и A. Stones [4] соотносят формирование и развитие мировоззрения обучающихся как с изучением различных культурных традиций, так и с интерпретацией процессов, формирующих их культурную идентичность, выделяя такие понятия, как «мировоззренческая грамотность», «рефлексивная идентичность» и др. Мы разделяем позицию авторов, согласно которой рефлексивная методология может способствовать более глубокому и целост-

ному пониманию позиции учащихся, в том числе того, как они определяют свою культурную идентичность. Р. Thomson и С. Hall [5], используя понятие П. Бурдьё «культурный капитал», исследуют связь культурного наследия и становления гражданской и культурной идентичности.

Большое внимание данному вопросу уделяют китайские исследователи. Q. Yu [6] изучает музеи, в том числе провинциальные, как дискурсивную площадку для формирования культурной идентичности. Автор приходит к выводу, что музеи, сочетающие традиционную культуру с идеологическим наставничеством, играют значимую роль в формировании культурной и политической субъектности молодежи. Т. Zhuang и Х. Kong [7], рассматривая сочетание в мировоззрении китайских аспирантов «трех измов» – неолиберализма, конфуцианства и патриотизма, подчеркивают трансформацию каждого из них в этой связке. В своем исследовании они выделили ряд конфигураций традиционного (локального) и глобального в культуре и мировоззрении китайских аспирантов. N. A. E. Young [8] исследует влияние образования, получаемого китайской молодежью в зарубежных вузах, на их идентичность и мировоззрение. Y. Peng [9], изучая возможности трудоустройства студентов, получивших образование за рубежом, указывает на то, что их выход на отечественный рынок труда в последнее время затруднен, что связано в том числе с культурными и институциональными различиями, недостатком знаний о местной жизни, стилях работы. Таким образом, он выделяет взаимосвязь между знанием культурных традиций и социальным продвижением. S. Li [10], опираясь на идеи М. Фуко о дискурсе, власти/знании и субъективности, изучает патриотический дискурс и патриотические практики в образовательных учреждениях, а также эмоциональную реакцию студентов на них. Li подчеркивает важность включения традиционных китайских социальных ритуалов в повседневные практики молодежи. Согласно мнению L. Du и W. Wang [11], в условиях этнического разнообразия в Китае важно воспитывать чувство общности у китайской молодежи. Анализируя дискуссии о разнообразии и основных направлениях в этническом образовании в Китае, J. Wang и Y. Liu [12] раскрывают концептуальные, теоретические и практические аспекты политики «формирования чувства общности у китайской нации». Как отмечают авторы, на концептуальном уровне предполагается формирование чувства национального единства, теоретический аспект направлен на развитие осознания китайской нации как сообщества с общей судьбой, а практический – связан с конкретными действиями по укреплению этнического единства, национального единства и национального возрождения, в том числе и в образовательном пространстве. Мы согласны с позицией S. Yuan и M. Zhou [13], отмечающих необходимость разработки единых учебных материалов по родному языку (литературе), истории, дисциплинам, связанным с общекультурным (если точнее, нравственным и политическим) воспитанием, а также важность установления государственного контроля над разработкой данных учебников. L. Chen и Y. Wang [14] соотносят ключевые положения секретаря Си Цзиньпина о формировании чувства общности у китайской нации с особенностями современного общества и со-

временной молодежи. S. Chen [15] обращает внимание на важность соответствия между академическим, официальным и общественным дискурсами о культурной и гражданской идентичности. С. Wang [16] указывает на необходимость чтения классических текстов, важность конфуцианского классического образования для формирования культурной идентичности молодежи.

Ряд исследователей особое внимание уделяют формированию «исторического мышления» у молодежи. Так, R. Thorp и A. Persson [17], S. Barsch [18] исследуют взаимосвязь между историческим мышлением и представлениями о прошлом, настоящем и будущем у современной молодежи. Данная позиция, на наш взгляд, также заслуживает внимания. Среди отечественных исследователей отметим работы О. В. Бахловой и И. В. Бахлова [19], рассматривающих вопросы формирования культурной идентичности молодежи в перспективе политики патриотического воспитания. З. О. Кекеева с соавт. [20], выделяя социализацию современной молодежи в интернет-пространстве, исследуют сетевую идентичность студенческой молодежи регионов России и их ценностные предпочтения. Е. В. Давлятова, Э. И. Рудковский, Е. О. Далимаева [21] также рассматривают формирование культурной идентичности и патриотического сознания молодежи в современном информационном обществе. Ряд авторов – Э. В. Захарова [22], В. Е. Зиненко [23], Г. В. Мерзлякова, С. А. Даньшина, Л. В. Баталова [24] и др. – соотносят вопросы формирования культурной идентичности молодежи с политикой сохранения культурной (исторической) памяти. М. Н. Певзнер с соавт. [25] определяют региональные аспекты культурной идентичности учащейся молодежи. А. В. Бокова [26] выделяет культурный контент как инструмент формирования идентичности сообществ. Рассматривая культурный контент как сложное, многоаспектное и многоуровневое явление, она ставит вопрос о его влиянии на идентичность сообществ. Достаточно много научных статей и монографий, в которых анализируются идеологические аспекты, как, например, в работах Е. А. Фоменко [27], Ф. И. Храмцова, М. Ю. Тенянюк, Ю. А. Степанчук [28] и др.

Проанализировав различные подходы, отметим, что, несмотря на наличие фундаментальных исследований традиции в отечественной культуре, она практически не рассматривается как фактор формирования культурной идентичности современной молодежи.

Методология, материалы и методы

Исследование включает несколько ключевых этапов: подготовительный этап, обзор литературы, вторичный анализ данных исследований ВЦИОМ, проведение фокус-групп и анализ данных, подведение итогов. На подготовительном этапе осуществлен анализ данных опросов ВЦИОМ современной молодежи. Согласно опросу ВЦИОМ от 21 июня 2025 г. «Традиционные ценности: ожидание и реальность» (объем выборки – 1600 респондентов)¹, на вопрос «Важно всегда следовать традиционным духовным принципам, даже если они

¹ Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 10.09.2025).

противоречат современной реальности»? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных) чуть меньше половины респондентов поколения цифры (2001 г. и позднее) ответили, что «скорее согласны» (43 %). Ответ «скорее не согласны» выбрали почти столько же респондентов – 45 %, «затрудняюсь ответить» – 12 %. Ответы респондентов поколения миллениалов несколько отличаются: 45 % младших миллениалов (1992–2000 гг.) выбрали ответ «скорее согласны», 51 % – «скорее не согласны», у старших миллениалов (1982–1991 гг.) соответственно 62 % и 26 % (рис. 1).

Отношение к традиции/*Attitude to tradition*

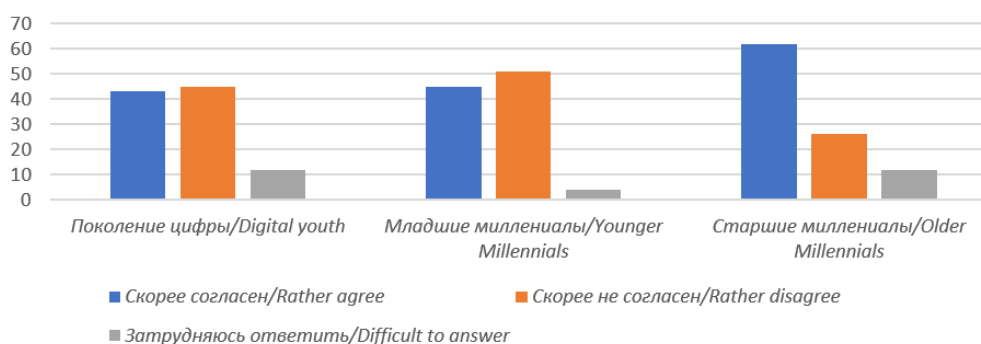

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Важно всегда следовать традиционным духовным принципам, даже если они противоречат современной реальности?»

Fig. 1. Distribution of answers to the question “Is it important to always follow traditional spiritual principles, even if they contradict modern reality?”

На вопрос «Какие ценности наиболее важны для Вас?» (закрытый вопрос, до 5 ответов, % от всех опрошенных) молодые респонденты указали следующие ценности. Для поколения цифры на первом месте – крепкая семья (66 %), дружба (48 %), самореализация (45 %), для младших миллениалов – крепкая семья (71 %), жизнь, достоинство, права и свободы человека (39 %), самореализация (38 %), для старших миллениалов – крепкая семья (79 %), жизнь, достоинство, права и свободы человека (37 %), историческая память и преемственность поколений (30 %). Как три наименее значимые ценности поколение цифры, младшие и старшие миллениалы указали одни и те же позиции: приоритет духовного над материальным (соответственно – 15 %, 14 % и 18 %),

коллективизм (соответственно – 10 %, 9 % и 8 %), созидательный труд (соответственно – 4 %, 5 % и 4 %).

Крепкая семья как ценность выделяется во всех традиционных и современных культурах, и мы видим, что молодежь указывает ее. Настораживает то, что созидательный труд оказался менее значимым, чем другие ценности, при том что самореализация, развитие выделяются молодежью как ценности. Коллективизм и приоритет духовного над материальным, выделяемые большинством русских философов (И. Ильиным, Н. Бердяевым, В. Розановым, Г. Шпетом и др.) как особенности российской духовности [29], по оценкам молодежи не являются для них значимыми ценностными координатами.

Безусловно, на ценностные ориентиры молодежи влияет современная социокультурная среда. В современном обществе трансформируется роль традиции. Молодежь не воспринимает ее как некий незыблемый каркас культуры, обращается к другим основаниям, «примеряет» другие культурные образцы.

Показательны данные опроса ВЦИОМ от 23 сентября 2025 г. «Пути России: культура, духовность, патриотизм» (объем выборки – 1600 респондентов)¹. На вопрос «Что, на Ваш взгляд, сейчас прежде всего нужно России?» (закрытый вопрос, до трех ответов, % от всех опрошенных) поколение цифры выделило «демократические институты власти» (27 %) и «возрождение патриотизма» (26 %), младшие миллениалы – «демократические институты власти» (29 %) и «возрождение традиций» (29 %), старшие миллениалы – «возрождение культуры и духовности» (34 %) и «возрождение патриотизма» (33 %). На вопрос «На чей опыт прежде всего следует ориентироваться при продолжении реформ в России?» больше половины респондентов поколения цифры, младших и старших миллениалов выбрали один и тот же вариант – «Не следовать чьим-то образцам, а глубже изучать исторический опыт России и следовать ее традициям и особенностям» (соответственно 62 %, 58 % и 65 %).

Данные ВЦИОМ позволили сформулировать ключевые вопросы в рамках фокус-групп: 1) что такое традиция? 2) как вы определяете роль традиций в современной культуре? 3) какую роль, по вашему мнению, играют культурные традиции в формировании культурной идентичности современной молодежи?

Было проведено 5 фокус-групп, в каждой было 8 участников – студентов 2-го курса МГПУ.

Методология нашего исследования опирается на понятия «культурный капитал», «рефлексивная идентичность» и «конструктивная идентичность», позволяющие рассмотреть традицию как фактор формирования культурной идентичности молодежи.

¹ Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puti-rossii-kultura-dukhovnost-patriotizm> (дата обращения: 10.10.2025).

Результаты исследования

Наблюдающийся в последнее время кризис идей мультикультурализма приводит к необходимости поиска новых подходов к вопросам культурной идентичности. Результаты фокус-групп в целом подтвердили и конкретизировали данные социологических опросов ВЦИОМ. В исследованиях ВЦИОМ студенческая молодежь не выделялась как отдельная социальная группа, результаты фокус-групп показали влияние образования на восприятие традиции и культурной идентичности. Фокус-группы способствовали взаимодействию в процессе обсуждения, по словам одного из участников, «совместному исследованию традиции».

Все участники определяли традиции через ритуал и трансляцию культурных (социальных) смыслов: *«Традиция – это устоявшийся ритуал, который передается из поколения в поколение, несет некоторый культурный смысл и тем самым связывает людей», «Я понимаю традиции как сложившиеся устои, нормы, обряды, ценности и правила, которые передаются от человека к человеку, от общества к обществу, являются определенным культурным кодом, достоянием конкретной группы людей (семья, коллектив, страна) и характеризуются эмоциональной ценностью, символичностью, устойчивостью».*

В качестве примеров традиции студенты приводили прежде всего семейные традиции. Традиции, существующие в образовательной системе, к примеру, связанные с университетом, отметил только один человек. Обсуждая вопрос: «Какую роль, на ваш взгляд, играют традиции в современной культуре?», все респонденты выдвинули на первый план интегративную роль традиции. Чуть больше половины респондентов отметили функцию преемственности и коммуникативную. Адаптационную и регулятивную функции указали 30 % участников фокус-групп.

Респондент 1: *«Традиции – это мост между прошлым и настоящим. В современном мире, таком изменчивом и быстром, они дают нам ощущение стабильности и почвы под ногами. Например, в моей семье есть простая традиция – собираться всем вместе за одним столом на Новый год, готовить одно и то же любимое блюдо, смотреть старые фильмы. Для нас это не просто ритуал. Это акт единения, который напоминает нам, почему вообще мы так близки. В этот момент мы не просто отдельные люди, а часть семьи и ее истории, непрерывной цепи поколений, которые также собирались вместе. Такие традиции, даже маленькие, становятся якорями, которые удерживают нас в жизненных бурях и наполняют повседневность особым смыслом и теплом».*

Респондент 2: *«Для меня как социолога понятие традиции, в первую очередь, социально обусловлено. Я стремлюсь рассматривать традицию и пропускать через себя в контексте культуры, в которой я нахожусь. Безусловно, традиции для меня обозначают нечто устоявшееся, закрепившееся в социальных нормах и фактах. В данном случае я воспринимаю традиции как что-то коллективное,*

общее. Но также традицией для меня является и ежедневный просмотр фильмов по вечерам, и вкусный субботний ужин. Одновременно для всех и для себя».

Респондент 3: «В моей жизни традиции скорее носят слабый символический характер. Например, каждый год я печатаю памятные фотографии своей семьи и дарю на Новый год в красивом альбоме, чтобы показать важность и мимолетность наших счастливых дней вместе. Это сближает нас, напоминает о важном, становится центром наших обсуждений и рассуждений. Так что для меня традиции означают точечное сближение и объединение с моими близкими. Или даже с самой собой... А вот для современного общества, конечно, традиции носят культурно-историческую важность. Как это было у наших предков? Надо помнить и чтить их память, поэтому мы проводим «ритуалы», которые сближают нас. Традиции – это культурный код каждой страны и каждого общества».

Респондент 4: «Традиции играют огромную роль в жизни людей, например, помогают человеку ответить на вопросы «Кто я?», «К какому народу/семье/обществу я принадлежу?», т. е. формируют чувство общности. Также традиции – это передача культурного кода и ценностей. Через традиции молодое поколение усваивает моральные нормы, исторический опыт, язык и культуру своих предков. Конечно же, это психологический комфорт. Ритуалы помогают справиться со стрессом, сориентироваться в сложной ситуации, структурируют переживания. В качестве примера хочу привести традицию празднования Нового года, которая характерна почти для всех стран мира, тем не менее, празднование в каждой стране отличается. Например, в России Новый год традиционно сопровождается речью президента, украшенной елкой и определенными блюдами, в то время как в Европе Новый год не является настолько масштабным праздником (большее значение и сходство с «нашим» Новым годом имеет Рождество). Традиции празднования также различаются на уровне семей: кто-то празднует Новый год в определенном месте или готовит традиционное блюдо с неожиданным рецептом. Например, в моей семье традиционно Новый год отмечается за городом в кругу семьи. Я считаю, что традиции до сих пор играют большую роль в жизни общества и большинство из них по-прежнему сохраняется, однако некоторые национальные традиции (например, свадебные) могут постепенно отходить на второй план».

Респондент 6: «Произведения Пушкина и Достоевского, фильмы Тарковского, советские кинокомедии, которые смотрят наши родители, и даже современные мемы – все это составляет тот культурный код, который мы, порой неосознанно, разделяем. На лекциях по культурологии, философии мы часто спорим о том, что именно входит в этот «канон», но сам факт этих споров лишь подтверждает его существование и значимость. Это то, что создает ощущение «своих», даже если мы незнакомы».

Почти половина участников фокус-групп отметили, что в современном обществе культурные традиции теряют свои позиции, при этом большая половина оценила данную тенденцию как негативную.

Респондент 1: *«Все идет к единообразию, можно сказать, к упрощению. Но сейчас растет интерес к культурам Востока. Может быть, на примере культур, в которых традиции сильны, другие народы будут стараться вспомнить свои традиции и также их ценить».*

Обсуждая вопрос «Какую роль, по вашему мнению, играют культурные традиции в формировании культурной идентичности современной молодежи?», все студенты определили традицию как один из факторов формирования культурной идентичности, отметили «многослойность» идентичности, почти 50 % участников фокус-групп указали на важность «рефлексивной идентичности» в современном обществе.

Респондент 3: *«Значительная часть студенчества интегрирована в цифровое пространство, тяготеет к универсальным демократическим ценностям. Это создает внутренний конфликт между принятием традиционного культурного канона и стремлением к глобализму».*

Респондент 2: *«Именно «многослойность» идентичности позволяет нам быть открытыми миру и при этом сохранять устойчивое чувство принадлежности к своей культуре».*

Респондент 7: *«Я бы отметила зрелость молодого поколения, для которого идентичность не абстрактная категория, а личностный и социальный выбор».*

Все респонденты указали, что традиции и культурная идентичность выступает основанием гражданской идентичности.

Респондент 5: *«Глобальные платформы и медиа предлагают альтернативные идентичности и ценности, что может приводить к внутренним конфликтам и формированию гибридных идентичностей. Российские студенты сегодня не пассивно усваивают готовую модель гражданской идентичности, а активно конструируют ее сами, делая собственный выбор. Этот выбор основывается на синтезе гражданско-правовых знаний, разделяемых (или оспариваемых) культурных ценностей и традиций, тесного переплетенных с региональной идентичностью и ежедневными практиками – от учебы до досуга».*

Респондент 3: *«Как будущий педагог-историк я бы предложил ученикам на своих уроках сравнить, анализировать, как формировалась гражданская идентичность в разные эпохи, уделяя особое внимание роли русской культуры как стержня этого процесса. Я бы использовал метафору «культурного слоя», так как русская культура является мощным, основным пластом, в который органично вплетаются другие культурные традиции, вместе образуя богатую почву для общей культурной и гражданской идентичности».*

По итогам проведенных фокус-групп были сделаны следующие выводы:

– студенты соотносят культурную идентичность с традициями, исторически сложившимися в разных сферах жизнедеятельности, 80 % участников фокус-групп определили традицию как культурный код;

– позиция студентов амбивалентна и синкретична: они отмечают значимость одних традиций (прежде всего, семейных) и несущественность других,

выделяют личную для них значимость традиций, сложившихся как в русской, так и в других культурах;

– все студенты отметили интегративную роль традиции, чуть больше половины респондентов – функцию преемственности и коммуникативную (соответственно, по 55 %), адаптационную и регулятивные функции указали, соответственно, по 30 % участников фокус-групп;

– все участники фокус-групп связали понятия традиции и культурной идентичности с гражданской идентичностью;

– рефлексия, совместный диалог, по мнению студентов, способствуют пониманию роли традиции в современной культуре, в том числе в процессе самоидентификации. В современных условиях «конструирования» идентичности «рефлексивная культурная идентичность» выступает одним из способов понимания и самоопределения в культуре.

Позиции студентов конкретизируют данные общероссийских опросов, что говорит о необходимости учитывать образование, образовательную среду университета в целом как факторы, влияющие на культурную идентичность современных студентов.

Обсуждение

Современные исследования культуры принципиально междисциплинарны. Традиция как фактор формирования идентичности в культурном контексте изучается в философии, психологии, педагогике, антропологии, социологии и других науках. В философских, философско-религиозных учениях Древнего Востока (Древней Индии и Китая) особо выделяли понятие традиции и влияние традиции на формирование культурной идентичности молодого поколения. Известный санскритолог В. С. Семенцов [30], исследуя проблему трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты, указывал на связь традиции с трансляцией священного текста. Система передачи содержания священного текста от поколения к поколению влияет на воспроизводство культуры и формирование идентичности. Семенцов обращает внимание на то, что для ведийской Индии главным было не столько заучивание священного текста (что, безусловно, было необходимо), сколько воспроизводство духовной личности учителя в ученике. «Живая личность учителя как духовного существа – и было тем содержанием, которое при помощи священного текста передавалось от поколения к поколению в процессе трансляции ведийской культуры», – отмечал он [30]. Можно согласиться с его универсализацией данного вывода и выделить его как ключевой тезис исследования. Существование трансляции традиции в культуре состоит в том, что духовная личность учителя возрождается в ученике. В тех случаях, когда эта передача личности имеет место, культура воспроизводится, в противном случае – нет. Опираясь на работы А. Н. Леонтьева, он подчеркивает, что для воспроизводства личности необходимо и достаточно передать ученику (в общем случае некоторому другому человеку) систему характерных для него деятельностей, включая их мотивацию.

Современный университет не только формирует компетенции, но и развивает личность обучающихся. В цифровом обществе, в цифровой культуре именно онтология личности становится приоритетной задачей в образовании.

В данном контексте интересно понятие «внутреннего ритуала», выделенное в древнекитайской философии. По даосским представлениям знание не передается, а естественно созревает и раскрывается в душе ученика, поэтому ученика нельзя научить, можно только раскрывать его способности и развивать его индивидуальный способ мышления. Как говорят в Китае, на Великом Пути нет хоженных троп.

По Конфуцию, человек становится подлинно человеческим благодаря способности осмыслить свою жизнь, совершенствоваться во всем, и материалом для этого выступает культурная традиция. Конфуций рассматривал традицию, ритуал как способ регулирования социальных отношений и осмысления социальной действительности в целом. Как говорил учитель Кун: «Обуздать себя и вернуться к ли (ритуалу) – в этом и есть подлинная гуманность» [31].

В русской философии конца XIX – начала XX в. своеобразие российской духовности видели в базовом сочетании религиозности и моральности, ориентации на абсолютные, идеальные ценности, коллективность, справедливость, долженствование. Ряд примеров, актуализирующих роль традиции в культуре, можно продолжить. Нам важно выделить апелляцию к рефлексии, личным усилиям, позволяющим индивиду оставаться в рамках культурной традиции. На наш взгляд, рефлексивная идентичность, обсуждение и понимание роли традиции в процессе воспроизводства культурной идентичности в рамках университетского пространства способствует культурной идентичности молодежи.

В связи с процессами медиатизации культуры и общества, развития средств коммуникации диапазон отбираемых и актуализируемых традиций расширяется, они становятся объектом выбора, интерпретации и актуализации, мистификации [32]. Согласимся с А. Б. Гофманом, характеризующим ситуацию с традициями и идентичностями в современной России как отличающуюся неопределенностью, многозначностью, амбивалентностью, синкретизмом [33]. «Происходит, – пишет он, – своего рода борьба за традиционность, точнее, за придание статуса традиционности тем или иным культурным образцам». Ряд исследователей [5; 34; 35], рассматривая вопросы, связанные с культурной идентичностью, опираются на концепцию поля П. Бурдьё, связанную с понятиями капитала и габитуса. Поле (в данном случае университет) выступает динамичным социальным пространством, которое регулируется собственными принципами и подвержено внешнему воздействию со стороны других полей (экономики, политики и т. д.) и практик агентов, обладающих различными типами капитала. На наш взгляд, в современных условиях важна рефлексивная традиционность, реализуемая в рамках университета и предполагающая осмысление и анализ роли традиций в культуре, их связи с культурной идентичностью, с личной и групповой идентичностью, понимание

сложности и неоднозначности культурных процессов, в частности процессов индивидуальной и групповой идентификации, выделение традиции как культурного и социального капитала. Индивидуальная культурная идентичность (осознание того, что человек воспитан в традициях определенной культуры) выступает как результат рефлексии индивида, понимание им значимости традиций, системы ценностей данной культуры для самоопределения. Исследования показывают, что студенты воспринимают традицию не как незыблемый каркас, а скорее как рамки, в которых прошлое актуально, востребовано современностью.

Выделяя традицию как фактор формирования культурной идентичности молодежи, мы хотели бы вернуться к тезису В. С. Семенцова о том, что культурная традиция связана с воспроизводством личности учителя (системы характерных для него деятельности и их мотивации) в ученике. Примеры такого воспроизводства есть в культурах как Востока, так и Запада. На наш взгляд, молодежи, определяющейся с ценностными принципами, данный подход позволит сохранить общую систему символов и схем поведения, характерных для их культурной (индивидуальной и групповой) общности, соответственно, в университетском пространстве важна как рефлексия, так и трансляция, демонстрация такой деятельности и мотивации.

Заключение

Безусловно, традиция как фактор формирования культурной идентичности молодежи выступает предметом междисциплинарного исследования. В современном обществе наблюдается «всплеск» идентичностей. Следует учитывать, что социализация современной молодежи протекает и в интернет-пространстве, что влияет на формирование мировоззренческих установок молодежи. Фрагментарность и противоречивость информации в интернете затрудняют формирование собственной устойчивой позиции.

Формирование культурной идентичности молодежи в таких условиях выступает сложным процессом. Стоит отметить, что студенты определяют традицию как культурный код, т. е. сжатую, спрессованную временем информацию о культуре. При этом коллективная культурная идентичность вырабатывается при сопоставлении своей культуры с другими. Рефлексия позволяет выявлять актуальные ценности и образы, ориентироваться в культуре, развивать и транслировать ее, оставаясь в рамках традиции, повышать свой социальный статус.

Исследования показывают, что ряд характерных для русской (российской) культуры ценностей и традиций (труд, приоритет духовного, коллективизм и др.) молодежью не указываются. С разрушением традиционной основы общества человек сам должен создавать и воссоздавать свою идентичность, в том числе обращаясь к традиции. На наш взгляд, выделение традиции как фактора формирования культурной идентичности молодежи должно быть результатом целенаправленной молодежной политики государства. Также важна рефлекс-

сивная традиционность, предполагающая осмысление и анализ роли традиций в культуре, их связи с культурной (личной и групповой) идентичностью и осуществляющаяся в образовательном и социокультурном пространстве учебных заведений. Выделение университета как пространства, в рамках которого целенаправленно осуществляется рефлексивная идентичность, обсуждение и понимание роли традиции в процессе воспроизводства культурной идентичности, выделение связи культурной традиции с воспроизводством личности учителя (системы характерных для него деятельности и их мотивации) в ученике, соотнесение культурной и гражданской идентичностей, предъявляет новые требования к современному университету, что является, на наш взгляд, перспективным направлением дальнейших исследований.

Гипотеза исследования, согласно которой в современной культуре традиция по-прежнему выступает фактором формирования культурной идентичности молодежи, была уточнена. Для студенческой молодежи, включенной в референтные группы, опирающиеся на отличающиеся друг от друга культурные традиции, «рефлексивная традиционность» выступает одним из факторов формирования ее культурной идентичности. Традицию мы рассматривали также как культурный капитал, опираясь на терминологию французского социолога, философа П. Бурдьё. Исследования как зарубежных, так и отечественных ученых вскрывают наличие связи между образованием, следованием культурным традициям и изменением социального статуса индивида. На наш взгляд, выделяя культурные традиции как воплощение культурного капитала и фактор формирования культурной идентичности молодежи, необходимо не только рассказывать и выделять исторический и культурный контекст сложившихся традиций, но и раскрывать возможную связь с современными событиями.

Результаты дальнейшей работы будут отражены в последующих публикациях, посвященных выявлению связи между традицией (с учетом типологии культурных традиций) и формами культурного и социального капитала молодежи.

Список использованных источников

1. Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции. *Советская этнография*. 1981;2:78–97.
2. Seaton P. Pierre Manent on the ancient Greeks' contributions to "the Western Dynamic". *Perspectives on Political Science*. 2025;54(4):190–202. doi:10.1080/10457097.2025.2537586
3. Egholm L., Heller M., Rowlinson M. Reframing the past: microhistory's analytical promise for management and organizational history. *Management & Organizational History*. 2025:1–19. doi:10.1080/17449359.2025.2576169
4. Shaw D.M., Stones A. Understanding the interplay: a new methodology for education, religion, worldviews and lived citizenship. *British Journal of Sociology of Education*. 2025;46(1):1–18. doi:10.1080/01425692.2025.2560409

5. Thomson P., Hall C. Cultural capitals matter, differentially: a Bourdieusian reading of perspectives from senior secondary students in England. *British Journal of Sociology of Education*. 2022;43(6):860–877. doi:10.1080/01425692.2022.2083582
6. Yu Q. From cultural display to political subject: citizenship and museum education in contemporary China. *British Journal of Sociology of Education*. 2025;46(6):793–814. doi:10.1080/01425692.2025.2515230
7. Zhuang T., Kong X. Shaping personal worldviews when neo-liberalism meets Confucianism and patriotism: insights from Chinese postgraduate students. *British Journal of Sociology of Education*. 2023;44(4):687–702. doi:10.1080/01425692.2023.2195088
8. Young N.A.E. Chinese citizen or global citizen? Nationalism and cosmopolitanism at an International School in Beijing. *Chinese Education & Society*. 2023;56(2):102–124. doi:10.1080/10611932.2023.2251834
9. Peng Y. When the halo of my overseas credentials disappeared: Chinese student returnees and their domestic employability. *British Journal of Sociology of Education*. 2023;46(6):815–833. doi:10.1080/01425692.2025.2519491
10. Li S. Chinese left-behind children’s perspectives on ritual practices: navigating Guanxi, Renqing and Mianzi in school-based socialization. *Chinese Education & Society*. 2025:1–21. doi:10.1080/10611932.2025.2556103
11. Du L., Wang W. Fostering a sense of community for the Chinese Nation: a “new era” in the ongoing debate on diversity and integration in ethnic education in China? *Chinese Education & Society*. 2023;56(1):1–6. doi:10.1080/10611932.2023.2235946
12. Wang J., Liu Y. The scientific connotations of education for forging a sense of community for the Chinese nation. *Chinese Education & Society*. 2023;56(1):25–43. doi:10.1080/10611932.2023.2235949
13. Yuan S., Zhou M. Forging a sense of community for the Chinese nation through centrally compiled educational materials for language arts: characteristics, mechanisms, and pathway. *Chinese Education & Society*. 2023;56(1):79–98. doi:10.1080/10611932.2023.2235986
14. Chen L., Wang Y. The key theories of Xi Jinping’s important accounts of forging a sense of community for the Chinese nation. *Chinese Education & Society*. 2023;56(1):7–24. doi:10.1080/10611932.2023.2235947
15. Chen S. Rethinking citizenship and citizenship education in contemporary China: discourses and politics. *Chinese Education & Society*. 2020;53(1–2):3–13. doi:10.1080/10611932.2020.1716607
16. Wang C. Educating the cosmopolitan citizen in Confucian classical education in contemporary China. *Chinese Education & Society*. 2020;53(1–2):36–46. doi:10.1080/10611932.2020.1716613
17. Thorp R., Persson A. On historical thinking and the history educational challenge. *Educational Philosophy and Theory*. 2020;52(8):891–901. doi:10.1080/00131857.2020.1712550
18. Barsch S. Historical thinking, historical knowledge and ideas about the future. *Journal of Curriculum Studies*. 2025:1–22. doi:10.1080/00220272.2025.2496463
19. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Состояние и перспективы политики патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России. *Регионоведение*. 2025;33(3):443–467. doi:10.15507/2413-1407.129.033.202503.443-467
20. Кекеева З.О., Уварова Г.Н., Даржинова С.В., Муева А.В., Ооржак А.Б. Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы). *Новые исследования Тувы*. 2022;4:169–179. doi:10.25178/nit.2022.4.13
21. Давлятова Е.В., Рудковский Э.И., Далимаева Е.О. Патриотическое сознание и информационная культура студенческой молодежи. *Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»*. 2022;35:116–121.

22. Захарова Э.В. Основные этапы становления патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь. *Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі*. 2022;20:230–241.
23. Зиненко В.Е. Патриотическое воспитание российской молодежи: современные реалии. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019;25(1):145–161. doi:10.24290/1029-3736-2019-25-1-145-161
24. Мерзлякова Г.В., Даньшина С.А., Баталова Л.В. Формирование патриотизма и сохранение исторической памяти в современном российском обществе: историко-правовой ракурс. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2024;34(2):379–384. doi:10.35634/2412-9593-2024-34-2-379-384
25. Фоменко Е.А. Идеологические основы цели патриотического воспитания в России (исторический аспект). *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2024;2:163–174. doi:10.26456/vtspyped/2024.2.163
26. Певзнер М.Н., Пермяков А.В., Ширин А.Г., Цывунина А.Д. Формирование культурной идентичности учащейся молодежи как предмет педагогической дискуссии. *Перспективы науки и образования*. 2024;5(71):45–61. doi:10.32744/pse.2024.5.3
27. Бокова А.В. Культурный контент как инструмент формирования идентичности сообществ (к постановке проблемы). *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2020;38:5–11. doi:10.17223/22220836/38/1
28. Храмовца Ф.И., Тенянюк М.Ю., Степанчук Ю.А. Патриотизм как фундамент образования и цель идеологической политики в Республике Беларусь. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024;8-3:41–48. doi:10.24412/2500-1000-2024-8-3-41-48
29. Черненькая С.В. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. *Вопросы философии*. 2006;12:178–180.
30. Семенов В.С. *Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты*. М.: Наука; 1988:5–32.
31. Малявин В.В. *Конфуций*. М.: Молодая гвардия; 2001. 357 с.
32. Buralkin M.Yu., Chernenkaya S.V. The problem of the scientific status theory of mediatization. In: *11th International Scientific and Theoretical Conference—Communicative Strategies of Information Society*. Saint Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University; 2020:272–280. doi:10.15405/epsbs.2019.03.02.32
33. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность. *Вопросы социальной теории*. 2010;IV:241–254.
34. Aurell J. Practicing theory and theorizing practice. *Rethinking History*. 2020;24(2):229–251. doi:10.1080/13642529.2020.1810435
35. Aurell J. The origins of the university: questions of identity and historical continuity. *Church, Communication and Culture*. 2024;9(2):137–150. doi:10.1080/23753234.2024.2396411

References

1. Markarian E.S. Nodal problems of cultural tradition. *Soviet ethnography = Soviet Ethnography*. 1981;2:78–97. (In Russ.)
2. Seaton P. Pierre Manent on the ancient Greeks' contributions to "the Western Dynamic". *Perspectives on Political Science*. 2025;54(4):190–202. doi:10.1080/10457097.2025.2537586
3. Egholm L., Heller M., Rowlinson M. Reframing the past: microhistory's analytical promise for management and organizational history. *Management & Organizational History*. 2025:1–19. doi:10.1080/17449359.2025.2576169

4. Shaw D.M., Stones A. Understanding the interplay: a new methodology for education, religion, worldviews and lived citizenship. *British Journal of Sociology of Education*. 2025;46(1):1–18. doi:10.1080/01425692.2025.2560409
5. Thomson P., Hall C. Cultural capitals matter, differentially: a Bourdieusian reading of perspectives from senior secondary students in England. *British Journal of Sociology of Education*. 2022;43(6):860–877. doi:10.1080/01425692.2022.2083582
6. Yu Q. From cultural display to political subject: citizenship and museum education in contemporary China. *British Journal of Sociology of Education*. 2025;46(6):793–814. doi:10.1080/01425692.2025.2515230
7. Zhuang T., Kong X. Shaping personal worldviews when neo-liberalism meets Confucianism and patriotism: insights from Chinese postgraduate students. *British Journal of Sociology of Education*. 2023;44(4):687–702. doi:10.1080/01425692.2023.2195088
8. Young N.A.E. Chinese citizen or global citizen? Nationalism and cosmopolitanism at an International School in Beijing. *Chinese Education & Society*. 2023;56(2):102–124. doi:10.1080/10611932.2023.2251834
9. Peng Y. When the halo of my overseas credentials disappeared: Chinese student returnees and their domestic employability. *British Journal of Sociology of Education*. 2023;46(6):815–833. doi:10.1080/01425692.2025.2519491
10. Li S. Chinese left-behind children’s perspectives on ritual practices: navigating Guanxi, Renqing and Mianzi in school-based socialization. *Chinese Education & Society*. 2025:1–21. doi:10.1080/10611932.2025.2556103
11. Du L., Wang W. Fostering a sense of community for the Chinese Nation: a “new era” in the ongoing debate on diversity and integration in ethnic education in China? *Chinese Education & Society*. 2023;56(1):1–6. doi:10.1080/10611932.2023.2235946
12. Wang J., Liu Y. The scientific connotations of education for forging a sense of community for the Chinese nation. *Chinese Education & Society*. 2023;56(1):25–43. doi:10.1080/10611932.2023.2235949
13. Yuan S., Zhou M. Forging a sense of community for the Chinese nation through centrally compiled educational materials for language arts: characteristics, mechanisms, and pathway. *Chinese Education & Society*. 2023;56(1):79–98. doi:10.1080/10611932.2023.2235986
14. Chen L., Wang Y. The key theories of Xi Jinping’s important accounts of forging a sense of community for the Chinese nation. *Chinese Education & Society*. 2023;56(1):7–24. doi:10.1080/10611932.2023.2235947
15. Chen S. Rethinking citizenship and citizenship education in contemporary China: discourses and politics. *Chinese Education & Society*. 2020;53(1–2):3–13. doi:10.1080/10611932.2020.1716607
16. Wang C. Educating the cosmopolitan citizen in Confucian classical education in contemporary China. *Chinese Education & Society*. 2020;53(1–2):36–46. doi:10.1080/10611932.2020.1716613
17. Thorp R., Persson A. On historical thinking and the history educational challenge. *Educational Philosophy and Theory*. 2020;52(8):891–901. doi:10.1080/00131857.2020.1712550
18. Barsch S. Historical thinking, historical knowledge and ideas about the future. *Journal of Curriculum Studies*. 2025:1–22. doi:10.1080/00220272.2025.2496463
19. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. The state and prospects of the policy of patriotic education within the framework of the Union State of Belarus and Russia. *Regionologiya = Regionology*. 2025;33(3):443–467. (In Russ.) doi:10.15507/2413-1407.129.033.202503.443-467
20. Kekeeva Z.O., Uvarova G.N., Darzhinova S.V., Mueva A.V., Oorzhak A.B. A study of the network identity of student youth in the regions of Russia (on the example of Kalmykia and Tuva). *Novie issledovaniya Tuvi = New Studies of Tuva*. 2022;4:169–179. (In Russ.) doi:10.25178/nit.2022.4.13

21. Davlyatova E.V., Rudkovsky E.I., Dalimaeva E.O. Patriotic consciousness and information culture of student youth. *Uchenie zapiski UO "VGU imeni P. M. Masherova" = Scientific Notes of Vitebsk State University named after P.M. Masherov*. 2022;35:116–121. (In Russ.)
22. Zakharova E.V. The main stages of the formation of patriotic education of youth in the Republic of Belarus. *Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі = Collection of Scientific Papers of the Academy of Postgraduate Education*. 2022;20:230–241. (In Russ.)
23. Zinenko V.E. Patriotic education of Russian youth: modern realities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(1):145–161. (In Russ.) doi:10.24290/1029-3736-2019-25-1-145-161
24. Merzlyakova G.V., Danshina S.A., Batalova L.V. The formation of patriotism and the preservation of historical memory in modern Russian society: a historical and legal perspective. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*. 2024;34(2):379–384. (In Russ.) doi:10.35634/2412-9593-2024-34-2-379-384
25. Fomenko E.A. Ideological foundations of the purpose of patriotic education in Russia (historical aspect). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2024;2:163–174. (In Russ.) doi:10.26456/vtspyped/2024.2.163
26. Pevzner M.N., Permyakov A.V., Shirin A.G., Tsivunina A.D. Formation of cultural identity of students as a subject of pedagogical discussion. *Perspektivy nauki i obrazovania = Perspectives of Science and Education*. 2024;71(5):45–61. (In Russ.) doi:10.32744/pse.2024.5.3
27. Bokova A.V. Cultural content as a tool for community identity formation (to the problem statement). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History*. 2020;38:5–11. (In Russ.) doi:10.17223/22220836/38/1
28. Khrantsova F.I., Tenyanko M.Yu., Stepanchuk Yu.A. Patriotism as the foundation of education and the goal of ideological policy in the Republic of Belarus. *Mezhdunarodnii zhurnal gumanitarnikh i yestestvennikh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;8-3:41–48. (In Russ.) doi:10.24412/2500-1000-2024-8-3-41-48
29. Chernenkaya S.V. Gustav Shpet and the modern philosophy of humanitarian knowledge. *Voprosi filosofii = Questions of Philosophy*. 2006;12:178–180. (In Russ.)
30. Sementsov V.S. *Problema transljatsii tradicionnoj kul'tury na primere sud'by Bha-gavadgity = The Problem of Translation of Traditional Culture on the Example of the Fate of the Bhagavad Gita*. Moscow: Publishing House Nauka; 1988:5–32. (In Russ.)
31. Malyavin V.V. *Konfucij = Confucius*. Moscow: Publishing House Molodaya Gvardiya; 2001. 357 p. (In Russ.)
32. Buralkin M.Yu., Chernenkaya S.V. The problem of the scientific status theory of mediation. In: *11th International Scientific and Theoretical Conference—Communicative Strategies of Information Society*. Saint Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University; 2020:272–280. doi:10.15405/epsbs.2019.03.02.32
33. Hoffman A.B. In search of a lost identity: traditions, traditionalism and national identity. *Voprosi sotsialnoi teorii = Issues of Social Theory*. 2010;IV:241–254. (In Russ.)
34. Aurell J. Practicing theory and theorizing practice. *Rethinking History*. 2020;24(2):229–251. doi:10.1080/13642529.2020.1810435.
35. Aurell J. The origins of the university: questions of identity and historical continuity. *Church, Communication and Culture*. 2024;9(2):137–150. doi:10.1080/23753234.2024.2396411

Информация об авторе:

Черненькая Светлана Васильевна – кандидат философских наук, доцент, профессор департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-7103-3059. E-mail: ChernenkayaSV@mgpu.ru

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.12.2025; поступила после рецензирования 21.02.2026; принята к публикации 04.03.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Svetlana V. Chernenkaya – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russian Federation; ORCID 0000-0002-7103-3059. E-mail: ChernenkayaSV@mgpu.ru

Conflict of interest statement. The author declares that there is no conflict of interest.

Received 09.12.2025; revised 21.02.2026; accepted for publication 04.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.